

СВИДАНИЕ ЧЕРЕЗ 16 ЛЕТ

Через 12 лет Указом Президиума Верховного Совета СССР Мстислав Ростропович и Галина Вишневская восстановлены в гражданстве СССР. Одновременно признан утратившим силу Указ Президиума Верховного Совета СССР о лишении их государственных наград и почетных званий артистов СССР. Через 16 лет артисты приехали на Родину. Мстислав Ростропович — в качестве дирижера Национального симфонического оркестра США, гастрол которого пройдут в течение месяца в Москве и Ленинграде.

12 февраля в пресс-центре МИД СССР состоялась пресс-конференция.

«Мы были истинными солдатами русской музыки...»

М. РОСТРОПОВИЧ. Я бесконечно счастлив, что мне удалось вместе с супругой Галиной Вишневской вернуться хотя бы на время к моему народу. И надеюсь, что он найдет в себе силы завершить перестройку. Мы с Галиной уповаем на это. Я счастлив как русский артист, как русский музыкант, что приехал сюда с Национальным симфоническим оркестром Соединенных Штатов. Счастлив, что наш оркестр будет тут играть и американские современные произведения, и русскую классическую музыку. Ведь все 16 лет жизни на Западе мы были истинными солдатами именно русской музыки.

— Как вы расцениваете акцию возвращения вам гражданства?

М. Р. Акция восстановления нас в гражданстве дает нам право ощутить себя людьми ни в чем не повинными. И поэто-

му мы ее воспринимаем с удовлетворением.

Г. ВИШНЕВСКАЯ. Я хотела бы добавить, что людям, которые выехали поработать по контракту на несколько лет, как мы, Максимов, Войнович, Аксенов, и которых затем лишили гражданства, выгнали из страны, порой в 50 лет приходилось начинать жизнь с нуля. Необходимо узаконить, на мой взгляд, недопустимость этого варварского акта.

— Есть надежда на то, что вы будете продолжать культурные контакты с Советским Союзом?

М. Р. К сожалению, мой творческий календарь до 1992 года полностью расписан по контрактам. Если где-то появится «окно», мы, естественно, будем стремиться приехать сюда.

— Мстислава Ростроповича в Советском Союзе знали преимущественно как виолончели-

ста. Не трудно ли вам было на Западе начинать карьеру дирижера?

М. Р. Должен пояснить, что в этом качестве я выступал и в Советском Союзе. Например, дирижировал оперой «Война и мир». Сделал запись 14-й симфонии Шостаковича, которую пела Галина Павловна Вишневская. Кстати, позволю напомнить, я был первым, кто подал идею и организовал музыкальный фестиваль в Горьком. Тогда же Галина Павловна исполнила впервые посвященную ей работу Шостаковича. И этой премьерой дирижировал я.

— Ваше отношение к перестройке в СССР?

М. Р. Понимаете, даже читая советскую прессу внимательно, образцом, как это делаем мы, и при этом не зная внутренней эмоциональной жизни страны, не хочу брать на себя ответственность говорить по

Фото ТАСС.

этому поводу. Может ли история повернуться к худшему? Все может быть... Я надеюсь, что перестройка наконец-то перейдет из дискуссионных форм к конкретным делам. И люди захотят слушать музыку. А захотят тогда, когда будут досыта накормлены. Сейчас же для того, чтобы достать продукты, необходимо долго стоять в очереди. И еще — все вы знаете о существовании касты людей, не стоящих в очередях...

— Ваше отношение к Михаилу Горбачеву?

М. Р. Думаю, что положение этого человека, которого партия направила на высокий пост, чрезвычайно трудное, требует большого мастерства политика. Мы видим, что он действительно хочет перестроить страну и это дается ему с трудом. С трудом из-за среднего звена, которое сильно упрямится.

Когда я жил в Советском Союзе, мне часто говорили: «Вот это давай-ка сыграй, а вот это — ни в коем случае». Нормально ли это? Естественно, нет. И благодаря современной ситуации в стране, я надеюсь, что ни Горбачев, ни Лигачев не осмелятся учить никакого музыканта музыке.

Вечером того же дня наш корреспондент побеседовал с **Г. ВИШНЕВСКОЙ.**

— Что вы чувствовали после того, как вам пришлось покинуть Родину?

— У нас было такое ощущение, что нас живыми заколотили в гроб. И дело даже не в незнании языка — эта проблема решилась довольно скоро — или в дефиците общения. Просто там совсем другая жизнь, другая атмосфера. Мы чувствовали себя очень одинокими.

— Но ведь и Ростропович, и вы уезжали, будучи очень известными музыкантами?

— Конечно. Но тем не менее первое ощущение было такое,

что будто вокруг нас выкачали воздух и мы оказались в вакууме. Сейчас, конечно, уже легче. Мы — в работе, у нас контракты, поездки. Но чувство потери дома, Родины, не проходит до сих пор.

— Большая часть творческой жизни у вас связана с Большим театром. Вы уже побывали там?

— Нет. Я боюсь туда идти. Даже само здание для меня не просто здание — это нечто одушевленное. То, чему я отдала столько лет жизни, крови и нервов. И мне больно прийти в те стены, которые когда-то меня отторгли, и в коллектив, не защитивший меня. Помню, как за несколько дней до моего отъезда, Ростропович уже был во Франции, а меня задержали какие-то дела, и я ходила по Большому театру, как проклятая, ко мне никто не подходил.

— Что вас свело с Солженицыным?

— Действительно, он — авторник-писатель, мы — артисты, привыкшие к шумной жизни. Наверное, единомыслие, похожесть судеб. Он, так же, как и мы, был изгнан из своей страны.

— Как вы думаете, почему его не посадили, как многих других, а милостиво разрешили уехать?

— Наверное, потому, что он тогда правильно поступил, что исчез из города и заперся у нас на даче. Думаю, что отъезд его тоже всех устроил.

Перед поездкой сюда мы встретились с ним и поговорили. Александр Исаевич был и остается исконно русским человеком, и, когда он говорит о Родине, у него наворачиваются слезы. Он не может сейчас приехать в Советский Союз, потому что с него не снято клеймо предателя Родины. Но его самая большая мечта — жить в своей стране.